

Скрибомания: ЖЕНА, АРХИВ И СЕКРЕТЫ ПОЧЕРКА¹

ПЕТАР БОЯНИЧ

ОЛЕБАНИЕ — слово, которого не хватает в заголовке и подзаголовке этого текста. Я полагаю, что все документы, которые Шмитт собирался отложить в сторону или поместить в свой архив, заранее распределенный по отдельным папкам (или переданный друзьям, чтобы они их разложили — до его смерти или уже после нее)², отмечены теми же колебаниями, которые испытываю и я, садясь писать о его архиве и ставя вопрос о возможности письма или свидетельства об архиве как пространстве или рабочем месте, откуда при жизни Шмитта или посмертно приходили различные его работы и тексты. С самого начала я хотел бы указать на два ключевых аспекта сдерживания или дискомфорта (колебания), которые предполагаются архивами (архивами как хранением и собиранием, но также как выявлением и выделением), а затем хотел бы перечислить несколько возможных подходов к ар-

1. Перевод выполнен по изданию: © *Bojanić P. Scribomania: on the wife, on the archive. Carl Schmitt and the secrets of his handwriting // Treći program. Zima 2011. № 149. S. 193–207.* При написании этого текста мне оказал помощь фонд DAAD (Германия), а также некоторые друзья и коллеги Карла Шмитта, позволившие поработать в архиве Шмитта в Дюссельдорфе летом 2009 года. Я благодарю госпожу И. Виллингер, господ И. Бекера и Г. Гайслера. Особую признательность я выражаю непосредственно отвечающему за наследие Шмитта Маттиасу Мойшу за его гостеприимство и добрую волю, а также за разрешение опубликовать и перевести некоторые документы.
2. Архив Шмитта в Дюссельдорфе также включает в себя архивы И. Бекера, П. Томмиссена, Г. Гайслера и Э. Хюсмерта. Например, в архиве Томмиссена можно найти множество писем Душанки Тодорович за последний год ее жизни (RW 579–934). С другой стороны, Хюсмерт после ее смерти получил определенное задание упорядочить все письма с соболезнованиями.

живам как основанию или архивному материалу. Моим намерением было использовать пример Шмитта, вероятно последнего великого *документалиста* XX века, чтобы обрисовать условия невозможности определенной архивной экономии. А именно: посредством случайной и выборочной описи документов Шмитта (в которых часто упоминается его вторая жена Душанка Тодорович) и реконструкции его подготовки к письму, как и самого акта письма, я бы хотел подчеркнуть уникальную значимость архивов как счастливого пространства или пространства непрерывного вдохновения, подталкивающего к новому путешествию или к написанию совершенно нового текста. Иными словами, фигура «архивов» показывает неустранимую невозможность классификации некоторых элементов (отсутствует общий обзор, то есть нет достаточного понимания элементов и различия между ними), следовательно, показывает, что любая последующая (ре)конструкция и примирение этих элементов структурируются как автобиография или биография (например, биография Шмитта), которая, как и сам архив, является полным вымыслом.

Две неловкости: колебаниям и дискомфорту, которые испытывает Шмитт, записывая и отмечая все, что случается с ним и с его окружением, я буду противопоставлять свой собственный дискомфорт, вызываемый бытием, существованием, осмотром, объективацией и соединением его рукописных, воплощенных отметок. Его сомнения состоят из двух частей и являются результатом его долгой жизни. Шмитт производит один бесконечный текст (помимо того, что он хранит все, что читает, возвращаясь к прочитанному время от времени, отмечая точные даты последующих прочтений и комментариев), но в его занявшем несколько десятилетий «уходе на покой» у него находится время на попытки сконструировать свою собственную биографию, связывая и классифицируя «следы» своей жизни. Если бы мы захотели точно определить сегодняшние причины интереса к Шмитту и возрождения его идей, выражающиеся в размножении комментариев и книг о Шмитте, тогда нам пришлось бы настаивать на раздвоении письма и хранения (откладывания, собирания) написанного.

Письмо: Шмитт подсчитывает и записывает все. Он подсчитывает эякуляции, свои расходы и долги, цитаты, встречи, пьянки, рестораны, путешествия, ненависти, страхи... всё³. Допущение состоит в том, что дискомфорт Шмитта маркиру-

3. Это легко установить, читая дневники, которые уже были опубликованы. См.: Schmitt C. Tagebücher Oktober 1912 bis Februar 1915 / E. Hüsmert (Ed.). В.: Akademie Verlag, 2003; *Idem*. Die Militärzeit 1915–1919. Tagebuch Februar bis

ется его тайным почерком. Так, его первый «систематический» биограф Пауль Ноак опубликовал копии заметок из архива от 17 февраля 1974 года, в которых Шмитт на латыни, древнегреческом и «скорописью» (*Kurzschrift*), варьируя слова, записывает предложение: «Мой секрет — почерк (или письмо)» (*Mein Geheimnis ist die Schrift*)⁴. В своих дневниках, аннотациях, заметках Шмитт всю свою жизнь использует так называемую стенографию Габельсбергера, созданную в середине XIX века Францом Ксаверием Габельсбергером⁵. Более половины всех заметок Шмитта не может прочитать никто, кроме некоего восьмидесятилетнего Ханса Гебхардта⁶. Неловкость, которую испытывает Шмитт, записывая и оставляя следы своих бесконечных сексуальных приключений⁷, измен Душке Тодорович и страха, что его уличат (12 февраля 1926 года он пишет: «Страх перед ее сербским пронзительным взглядом и ее славянской хитростью» [*Angst vor ihrem serbischen Gesicht, vor ihrer slawischen Schlauheit*])⁸, своего мачизма и интрижек с машинистками

Dezember 1915. Aufsätze und Materialien / E. Hüsmert, G. Giesler (Ed.). В.: Akademie Verlag, 2005.

4. Noack P. Carl Schmitt: eine Biographie. В.; Fr.a.M.: Propyläen, 1993.

5. Сегодня это крайне редкая форма стенографии; также использовалась Хайдегером и Гуссерлем.

6. Долгожительство Шмитта, очевидно, помешало начать работу по расшифровке его рукописей раньше, точно так же, как в случае Гуссерля и Хайдеггера. Сложность этой системы, а особенно дополнения и идиоматические изменения, внесенные в нее Шмиттом, ставят под вопрос подлинность и прозрачность его заметок даже после их «интерпретации» Гебхардтом. Второй систематический биограф Шмитта в книге, опубликованной в начале октября 2009 года, выражает особую благодарность Гебхардту, без которого его реконструкция жизни Шмитта была бы невозможна. См.: Mehring R. Carl Schmitt: Aufstieg und Fall. München: Verlag C. H. Beck, 2009. P. 16, 582. Однако дело не только в том, что в распоряжении Меринга находится лишь небольшое число расшифрованных документов из архива Шмитта (поэтому его биография является преждевременной и в ней заметны пробелы), но и в том, что наиболее важные части архива (дневники и календари после 1933 года) по-прежнему недоступны.

7. Меринг использует дневники Шмитта из архива до 1933 года, которые местами переведены на немецкий. С февраля 1922 года, когда он развелся с первой женой-сербкой, танцовщицей Павлой Доротиной, по 1932 год (повторю, что Шмитт встретил «хорошую девушку Душку» [*guten Mädchen Duška*] 23 января 1923 года, впервые переспал с ней в конце июля того же года, а поженились они 8 февраля 1926 года) в дневниках упоминаются различные проститутки, служанки, танцовщицы, машинистки, Кэтрин Мюррей, Лоло, Лиззи, Магда, студентка Рут Беттнер, Хелла (роман с которой, вероятно, был разорван Душкой 29 апреля 1932 года) и т. д.

8. Через несколько дней после женитьбы на Душке Шмитт записывает сон о том, что на самом деле она — Кари (П. Доротиной), танцующая и выглядящая, как она. В 1924 году Душка заболела туберкулезом и постоянно проводила время в санаториях. Шмитт боится заразиться туберкулезом. Он

и студентками, долгов и просьб о финансовой помощи, своего нездорового антииудаизма⁹, равно как и фатальной одержимости иудаизмом вплоть до полного отождествления с «еврейским духом», своей веры в силу, насилие и войну как средство разрешения проблем с другими («другие» в самых разных формах), своих амбиций, ненависти и презрения к предателям, студентам, коллегам и т. д., — неловкость, связанная со всем этим, смягчается используемой им стенографией. Шмитт настойчиво пользуется системой стенографии, устаревшей уже к началу тридцатых, что, конечно, защищало его не только от жены, любовниц, друзей и врагов, но также и от разнообразных спецслужб, которые следили за ним с самого начала его публичной карьеры¹⁰.

Секрет почерка, о котором говорит Шмитт, отсылает, конечно, к наложению немецкого и скорописи Габельсбергера. Привлекательность очень ясного, идеально вымеренного немецкого языка Шмитта в его теоретических работах, вероятно, является следствием этой ужасной страсти к быстрому записыванию всего, что с ним происходит. Идеально строгие формулировки академика и в каком-то смысле пронизательного политика (его положение в период Третьего рейха не ограничивается бюрократическими рамками) попадают в тень не только тайного, зашифрованного письма, но еще и скорописи, позволяющей Шмитту записывать мысли и поток сознания, которые в противном случае ускользнули бы и остались невидимыми. Я хочу подчеркнуть, что эта непрерывная «тайная» практика Шмитта, удвоение высказывания, его осторожность и изощренное умение просто формулировать сложные конструкции делают его немецкий язык еще более соблазнительным.

описывает ее поездки как свое спасение (в 1929 году она перенесла пятую операцию на легких, этот год Меринг описывает как кульминацию его романов, «эротическое чрезвычайное положение» [*erotischer Ausnahmestand*]). См.: *Mehring R.* Op. cit. P. 163–171, 195, 235.

9. Я провожу, но только в этом случае, различие между антисемитизмом и антииудаизмом, предложенное Андреасом Кюененом и Джозефом Бендерски. См.: *Bendersky J. W.* Love, Law, and War: Carl Schmitt's Angst // *Telos*. Summer 2009. № 147. P. 180–181. Хороший пример такого различия — совершенно неизвестная лекция Шмитта о меньшинствах, с которой он выступил во Фленсбурге 29 апреля 1938 года, — *Die neueste Entwicklung des Volksgruppen und Minderheitenrechts* (RW 265–20105).

10. Полное досье на Карла Шмитта, объемом 292 страницы, составленное в гестапо (Sicherheitsdienst des RFSS SD-Hauptamt: Schmitt, Karl Dr. Prof. P. A. 651 c; хранится в Лондоне), доступно на сайте Carl Schmitt Studien (на момент 2008 года). В одном из документов говорится о связи Шмитта через его жену-югославку с Коминтерном и коммунистическим движением в Югославии.

Попытка Шмитта в последние десятилетия сохранить, собрать и соединить свои произведения и тем самым основать (тайно основать, основать на тайне или согласно тайне) свой будущий архив — свою крайне сложную и запутанную жизнь, одновременно и раскрываемую, и скрываемую письмом — еще больше способствует популярности его текстов, популярности всегда невероятной и на грани определенности, хотя она все еще в силе. Сегодня мы, без сомнения, могли бы согласиться, что именно девятилетний проект под руководством Рейнхарта Козеллека в Институте Эссена, главной целью которого считалась классификация и институционализация наследия Шмитта, окончательно вывел немецкого юриста на европейскую и мировую сцену¹¹.

Неловкость и колебания Шмитта (возможно, они многочисленны и более серьезные, чем та предварительная попытка показать «удвоение» у Шмитта, которую я предпринял) одновременно и принуждают, и удерживают меня от использования личного тона этого текста-инвентаризации или текста-признания. Работа в архиве фактически предполагает попытку найти неопубликованные факты (совершенно материальные), которые могут помочь в разрешении некоторых вопросов, возникающих в связи с опубликованными текстами Шмитта. (У меня было несколько задач. Коль скоро Шмитт упоминает Франца Розенцвейга в своем дневнике после войны, я хотел проверить, мог ли он быть знаком с несколькими геополитическими текстами Розенцвейга, опубликованными под псевдонимом. В них Розенцвейг задолго до Шмитта отмечает важность «моря» и различие между «землей» и «морем». Мне интересно разыскать военные и послевоенные тексты Шмитта о пиратах. Кроме того, я хотел посмотреть личные записи, заметки и материалы Шмитта по Беньямину, Блоху, Маркузе и Лукачу.) Парадоксальным образом работа в этом архиве неизбежно ведет к получению добавочной субъективности. Моя неспособность быть «объективным» или «сдержанным», постоянное мое влияние и прокрастинация вместе с моим собственным комментарием, появляющимся, когда я «связываю» (или фабрикую) некоторые «факты» из архива, не являются исключительно результатом встречи со Шмиттом «лично» или с «личностью» Шмитта; скорее наоборот, они — следствие нехватки такой встречи. Это

11. Козеллек вел проект, посвященный Шмитту с 1991 по 1999 год в Институте наук о культуре (*Kulturwissenschaftliches Institut, KWI*) в Эссене. И. Виллингер и Дирк ван Лаак были прикреплены к проекту и опубликовали полную опись архива в 1993 году. В настоящее время архив следует их классификации.

воображаемое слово, колебание (в основном мое собственное), отсутствующее и в заголовке, и в подзаголовке этого текста, может быть разбито на несколько различных «состояний» того, кто колеблется, столкнувшись с тем, что найдено или случилось в архиве. Архив предполагает «случайное» открытие, фоновое, но постоянное сомнение в отношении «данного» состояния архива и классификации документов. Вероятно, возможно сконструировать текст об архиве Шмитта, посмотрев, как и почему расклассифицированы и сформированы документы¹². Конечно, придется начинать с общего разделения наследия Шмитта на три части: письма, рабочие материалы и библиотека, но кажется, что шмиттианское прочтение его собственного архива пришлось бы начать со случайного или «негативного» (шмиттовский враждебный элемент), которое не имеет преимуществ перед своей противоположностью, но скорее инициирует театр различий и асимметрии между двумя или между этими двумя. Тогда что уничтожает архив, а значит, в то же самое время придает ему смысл и значение? Или как постоянное колебание того, кто вступает в пространство архива, инициирует «случай»? Слово «случай» относится не только к открытию нового, отдаленного, тайного, неопубликованного текста и даже не к открытию чего-то, что из темноты архива проясняет то, что уже было опубликовано под именем Карл Шмитт, но буквально к новому тексту. Этот потенциальный новый текст, однако, не может претендовать на формирование рабочего пространства и фактов, относящихся к Шмитту, по нескольким причинам, которые, повторюсь, совпадают с сопротивлением и колебанием того, кто колеблется «перед» архивом или «в» нем. Прежде чем я попытаюсь более точно локализовать это архивное «колебание» с использованием раннего свидетельства о жизни и творчестве Карла Шмитта, я хотел бы привести минимальную и необязательную опись моих собственных «заторможенностей». Я бы начал с сопротивления свидетельству, этому «Я есть» и «Я свидетельствую», потому что архивы нарочно устроены так, что они предполагают и ждут другого (меня). Из этого вытекает несколько следствий: архивы выглядят «заточенными» и хорошо «приспособленными» к посещению другим (в архивах не бывает сюрпризов, это архив, если в нем устранили любые сюрпризы или случайности); я посто-

12. Существует уже два таких текста об архиве Шмитта: *Van Laak D. Der Nachlass Carl Schmitts // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. Bd. 1 (XXXXII). P. 141–154*, и *Bechi P. El Nachlass schmittian. El legado de Carl Schmitt en el Archivo estatal de Düsseldorf // Revista de Estudios Políticos. April–June 1998. № 100. P. 179–191*.

янно отказываюсь признать, что не бывает документов, которые не были бы удалены (есть ли архив внутри самих архивов?); Шмитт лжет и даже подправляет и подстраивает наиболее смущающие из своих сообщений; документы, требующие специального допуска, скрывают существование документов, которые и вовсе не были заархивированы; тот факт, что в архиве всегда чего-нибудь недостает, маркирует место «прибавочной» субъективности; истерические поиски чего-то, чего нет в архиве, означают производство моего собственного текста; двусмысленность существования в качестве шакала или паразита — это двусмысленность уже самого пребывания в архиве; колебание перед личным, тривиальным, банальным, неважным, вторичным — это колебание перед базовым элементом архива, колебание перед лицом случайного.

Есть описание Шмитта, относящееся к 1913 или 1914 году (когда Шмитту было около 25 лет), которое набросал прославленный юрист и государственный деятель Хьюго фон Ценхофф (*Hugo von Zenhoff*). Оно может быть отнесено к Шмитту как в молодости, так и в более зрелом возрасте. Один из авторитетов, оказавших на Шмитта формирующее воздействие, в контуре которого он проходил юридическую стажировку, Ценхофф, которому тогда было пятьдесят восемь, пишет:

За мою долгую карьеру адвоката я никогда не встречал людей, настолько систематических (с таким порядком [*Ordnung*]) в мыслях и понятиях, как вы, но одновременно с большим беспорядком и неразберихой [*Unordnung und Durcheinander*] в личной жизни¹³.

Как такое возможно? Отмечает ли это суждение что-то вроде реальной «расколотости» Шмитта? Занят ли архив исключительно этим пространством беспорядка и неразберихи? Мне кажется, что проведение строгой линии между двумя этими аспектами или по крайней мере колебание перед нею должно оправдать существование архивов. Между жизнью («его собственной», «личной» — эти различия предполагают интимность тела, другого, близость и, конечно же, когда речь заходит о Шмитте, близость с женщинами) и порядком в понятиях (юридических, академических текстах) Шмитт вводит свою скоропись, функция которой — успокоить и собрать воедино (стабилизировать) различные аспекты своих тирад. Тогда функция архива становится вполне узнаваемой. Осмелюсь даже сказать, что архивы как раз и являются пространством или выражением скрещивания

13. Ср.: *Schmitt C. Tagebücher Oktober 1912 bis Februar 1915. P. 1*.

жизни или смерти с текстом, что дневники, бесконечные комментарии или добавления, тщательная подготовка Шмитта к написанию «академического» текста — все это движется в ритме перехода от «жизни» к ясному высказыванию на немецком языке (стенографическая скоропись опосредует и служит для того, чтобы переносить или истощать мужественность и силу главного героя); сексуальность Шмитта и его политическая и публичная ангажированность (здесь я главным образом имею в виду его грандиозную переписку, а также сотни выступлений по всей Германии и Европе¹⁴) инвестированы, незримо «привнесены» в тексты и книги Шмитта благодаря его скорописи.

Я хотел бы вкратце описать три характеристики архивов, которые делают их редкими, возможно, даже уникальными. Третья из них, о которой я скажу больше и которую проиллюстрирую некоторыми документами из архива, навсегда останется недостаточно проясненной, в чем-то на грани банальности. Шмиттовское документирование (предварительное чтение и переписывание цитат; использование древнегреческого, французского, английского, латыни и испанского; его этимологическая работа, использование больших словарей и тезаурусов; отслеживание последних, только что опубликованных текстов на разных языках; внимательное чтение немецкой и английской прессы и т. д.) дает особое вдохновение и возможность, пользуясь этим материалом, писать совершенно новые и совершенно разные тексты. Каждое досье, которое собирает Шмитт, — это в потенции будущий новый текст. Другой аспект, как я уже сказал, — следствие долгой жизни Шмитта, целиком посвященной письму. Этот архив опрокидывает несущие конструкции так называемой генетики текстов, попытки найти новые элементы для интерпретации уже опубликованных текстов путем реконструкции рукописей. В архиве находится минимальное число рукописей шмиттовских книг, но есть внесенные им изменения и исправления уже опубликованных книг с отмеченными точными датами этих изменений и комментариев. Опубликованные книги, часто в нескольких экземплярах, возвращаются обратно к Шмитту, чтобы он мог снова расчленивать их и деконструировать при помощи своей скорописи.

Третья определяющая характеристика или третий секрет шмиттовского архива — это его жена. Не «жены» или «женщины» во множественном числе, не официальная первая жена (Павла Доротич), не третья, Анни Штанд, работавшая служан-

14. Две больших папки, наполненных газетными вырезками из лекций Шмитта в Германии, отмечены RW 265–18895 и RW 265–20105. В апреле 1930 года Шмитт выступает перед аудиторией из семисот человек.

кой в доме Шмиттов в течение нескольких десятилетий, но его вторая законная жена. Кажется, мое построение в таком виде, в каком оно представляется здесь, в конечном счете продиктовано ролью Душки Тодорович, до сих пор не раскрытым секретом ее влияния и выполняемого ею «перевода» Шмитта (как беспорядка) в Шмитта (порядка). «Жена» действительно могла бы быть идеальным актором тайной шмиттовской скорописи. Причин несколько: жена говорит и пишет на языке, который для Шмитта — тайна¹⁵; все главные работы Шмитта были написаны при ее жизни и в период их брака (книга «Номос земли» вышла за несколько дней до ее смерти, и Шмитт посвятил её ей¹⁶); политическая ангажированность Шмитта могла бы быть «прочитана» как замещение его сексуальных приключений, и может быть, такое прочтение должно было бы учитывать существование и значение этой женщины¹⁷. Душка Тодорович появляется как еще одна возможная «студентка» Шмитта (она изучает философию в Бонне, ей было двадцать лет, когда она с ним познакомилась), но невероятно быстро оказывается, что она — его «счастливый случай». Она работает в качестве переводчика, и ее незамедлительно иницируют в главную тайну и главное табу Шмитта — она переводит с сербского или хорватского некоторые документы, вероятно свидетельства о рождении, а также документы, относящиеся к разводу с Павлой Доротич¹⁸. Она родом из крестьян (в противоположность фальшивой графине Кари), сексуально непривлекательная для Шмитта

15. Шмитты несколько раз вместе ездили в Югославию: в 1923 году во время университетских каникул, сразу после первой проведенной вместе ночи; в 1925 году они ездили в Далмацию, где Шмитт написал свой знаменитый текст об иллирийцах; в апреле 1935 года состоялась поездка, о которой на сегодняшний день нам ничего неизвестно, кроме того, что среди прочего они побывали в Загребе.

16. Посвящение подклеено к личному шмиттовскому экземпляру «Номоса» (RW 265–20805), но никогда больше не появлялось в последующем издании «Номоса», когда издательство *Greven* было поглощено *Duncker & Humblot*. «Посвящение „Номоса земли“ Душке Шмитт: 16 ноября 1950 года в Гейдельберге: / Несмотря на бомбы и Моргентау / Несмотря на террор и украденных героев / Несмотря на автоматы и предательства / Несмотря на Нюрнберг и колючую проволоку / Несмотря на все это, эта книга родилась / И благословение расцвело из проклятия. / 16 ноября, 1950 г. в Гейдельберге / Дано Душке».

17. Из-за того что дневники Шмитта не расшифрованы, совершенно неизвестно, прекратились ли у Шмитта романы во время Третьего рейха. При чтении биографии, написанной Мерингом, кажется, что политическая ангажированность замещает у Шмитта романы с другими женщинами.

18. В письме Шмитту от 1924 года Фейхтвангер сообщает, что Душка получила права на перевод работы Ранке *Die serbische Revolution. Aus serbischen Papieren und Mittheilungen* (Гамбург, 1829 год).

и всегда больна, тем самым представляя для него постоянную опасность¹⁹.

В завершение обрисую три тайны или три двусмысленности, которые еще предстоит и, возможно, никогда не удастся решить.

Первая тайна — весьма распространенная сегодня (в особенности среди ближайших соратников Шмитта) бессмысленная уверенность в том, что предположительный антисемитизм *фрау* Тодорович оказывает влияние, направляет и определяет фобии и антиеврейскую истерию Шмитта. Возможно, это свидетельство исходит от Анни Штанд и приобретает совершенно новый смысл благодаря Эрнесту Хисмерту (*Ernest Hismert*). После Ноака и Томиссена мы встречаем ту же самую гипотезу у последнего биографа — Меринга²⁰. Я подчеркиваю, что в архиве нет доказательств или указания на это, так что подобная инсинуация действительно ведет к предположению об особой роли, которую Душка Тодорович играет в активизации его политической жизни в 1933 году.

Второй секрет касается особенно опасной, а для Шмитта и крайне компрометирующей деятельности, которую Душка Тодорович ведет во время войны. Речь идет о ее поездках в Загреб и контактах с тамошним правительством с целью освобождения из плена некоторых людей²¹ (названия лагерей не упоминаются). В архиве есть лишь две небольших записных книж-

19. Душка умрет от рака груди в больнице Гейдельбергского университета после нескольких неудачных операций. В 1949 и 1950 годах она и Шмитт практически все время вместе в Гейдельберге, тогда как Анима, их дочь, которая в том же возрасте умрет от той же болезни, что и ее мать (Шмитт переживет и ее тоже), находится в Клоппенбурге. Анима каждый день посылает ей открытки с религиозными мотивами, обычно они начинаются со слов «Дорогая мамочка» (*Liebste Mamica*). Незадолго до ее смерти сестра Ангелина пишет: «Дорогая Душка, действительно ли твоя болезнь неизлечима?» (9 сентября 1950 года). «Во время войны ты многое сделала для своей страны, я бы хотела, чтобы ты могла увидеть ее снова» (28 ноября 1950 года). Ее отец Васо Тодорович диктует следующие слова: «Найди утешение в своей болезни; это судьба всех нас живущих — окончить свою жизнь, это не только твоя судьба, но разные люди страдают от одной и той же судьбы» (Tommissen Anex RW 579–934).
20. Меринг дважды упоминает антисемитизм Душки. Первый раз в совершенно риторическом ключе (когда реконструирует события весны 1933 года в жизни Шмитта: «Душка тоже высказывается антисемитски» [*Auch Duška äusserst sich antisemitisch*]; Р. 308), а второй раз, когда говорит о разведенных родителях Душки, матери, жившей в Аграме, и утверждает, что большое еврейское сообщество Аграмае (Загреб) якобы настроило Душку против себя и привило ей нетерпимость, когда она была еще совсем молода. См.: *Mehring R. Carl Schmitt: Aufstieg und Fall*. Р. 620–621.
21. Меринг преждевременно говорит об освобождении ее брата. Ее брат нигде не упоминается. См.: *Ibid.* Р. 411–412.

ки (*Taschen Calendar*, или *Merkbuch*) за 1942 год, по которым мы можем реконструировать ее передвижения²².

Проследим за передвижениями Душки Тодорович в 1942 году:

Иоанн Креститель; 2 января, окорок, гости. 23 января, пятница, 19.30, игра. 27 января, Св. Сава. 20 февраля, пятница, 19.30, *Parteiversammlung*. 22 февраля, концерт Караяна. 24 февраля, *Partei*. 27 февраля, фрау Ингер. 12 марта, Сика. 17 апреля, Загреб. 18 апреля, Беловар. 22 апреля, Слагина. 24 апреля, Виснич. 29 апреля, Дарувар. 4 мая, в 12 часов, в Загребе. 5 мая, в 11 часов, генерал Комнот [нрзб.]. 6 мая, министр Лоркович. 7 мая, поездка в Беловар. 9 мая, господин Петрович. 10 мая, Загреб. 11 мая, Лоркович, *Anrufen* Стипетич, генерал. 13 мая, Лоркович. 15 мая, Вена. 16 мая, Берлин. 25 мая, Попиц. 4 июня, Сика, Сава. 14 января в Сике с Анимой, вечером проф. Сменд. 15 января лекция Гелена [Арнольд Гелен].

Шмитт был соруководителем и соконсультантом Лорковича на защите его докторской диссертации в 1930 году в Берлине (его научным руководителем был Виктор Брунс, а диссертация называлась «Создание сербо-хорватско-словенского государства»). Однако Шмитт крайне сдержанно относится к расистской диссертации Лорковича, которую будущий министр внутренних дел в правительстве Павелича написал, будучи хорватским эмигрантом в Берлине²³.

Действительно ли эти письма, полученные Шмиттами несколько месяцев спустя, относятся к поездке Душки Тодорович в Загреб?

Некий Радован Симунович пишет Шмиттам по-сербски 3 декабря 1943 года²⁴:

Дорогие мадам и профессор.

Наконец я тоже получил возможность вздохнуть свободным воздухом, свободно передвигаться, испытал чувство безопасности — короче говоря, переродился. Мое счастье было бы полным, если бы я был дома, то есть у себя на родине, но я твердо верю, что придет день, когда я встречу с родителями, семьей, товарищами и друзьями.

Как только я выбрался, то сразу узнал, что вы были крестными Майстору и Милке. Надеюсь, что после моего перерождения мне тоже позволительно называть вас моими крестными. Так что, дорогие крестные, чтобы начать благодарить вас за вашу настойчивость и оказанные мне услуги, я могу только взять на себя

22. RW 265–20827; RW 265–19741.

23. RW 265–21436.

24. В момент написания письма этот человек находится в Вене в резиденции Клишковиц (42, Praterstrasse) (RW 265–15177).

смелость называть вас моими крестными и числить себя среди ваших родственников и друзей.

Жизнь в лагере была очень тяжелой. Психологическое выживание и борьба были гораздо труднее, чем сам труд с плохим питанием. В этом хаосе несчастья и боли часто я переживал заново всю свою жизнь и вспоминал приятные и неприятные моменты. Все трудности в моей жизни до лагеря казались пустяками и ерундой; в действительности это была счастливая жизнь в сравнении с нынешней.

Жизнь там такова, что из нее нет логичного выхода. Существовала только надежда. В этой надежде вы, мадам, были единственным человеком, на которого я рассчитывал и которому доверял. Вы были источником света моего освобождения, и это помогало держаться. Это вас, мадам, и вас, профессор, я обязан поблагодарить за мое второе рождение. Это вас я должен благодарить за то, что приехал в Германию и что теперь живу с моей Кисой, Майстором и Милкой. Мы оказались на чужбине, но в то же время как будто дома.

Моя семья сообщает, что вы навестите нас на Рождество, чему я очень рад, потому что смогу лично поблагодарить вас за ваши усилия, заботу и труд по моему освобождению. По этому случаю у меня будет много времени, чтобы рассказать вам о жизни в лагере в течение 15 месяцев. Я пережил много страданий на этой войне, и мне еще, возможно, предстоит пережить тяжелые моменты, так что я могу понять ваши собственные утраты и боль, которую вам принесла эта страшная война. Но, уповая на Бога, давайте надеяться, что преодолеем трудности и выйдем из них живыми в конце войны, когда смогут возобновиться нормальная жизнь и работа.

Мы очень беспокоимся, что с вами могло что-то произойти во время последних бомбардировок, и просим вас написать нам. <...>

Еще раз от всего сердца благодарю вас за все, что вы для меня сделали, и передаю вам благодарность от моих родителей, Кисы, Майстора и Милки.

Передаю привет ото всех.
С уважением, Рада Симунович.

Спустя полтора месяца (17 января 1944 года) Шмитты получили письмо от близкого родственника Душки Тодорович из Хорватии²⁵:

Мои дорогие Душка, Карл и Анима! Мы получили ваше дорогое, долгожданное письмо от 2 января и сразу же отвечаем. Хотя мы ленивы, когда дело доходит до письма, мы очень, очень много о вас думаем, молимся за вас за то, что спасли нам жизнь.

25. RW 265–16658.

Пока вы живы и здоровы, все остальное можно построить заново. Не знали, что ваша вилла была разрушена и что вы больше там не живете, но Господь спас вас за все благие дела, которые вы совершили. Всего несколько дней назад к нам приезжала женщина из Шевицы, она рассказала о вас столько хорошего, о том, как вы их приняли и приютили, она говорила, что у вас там был как будто рай, мы столько о вас говорили и думали. Здесь много женщин-работниц, которые туда ездят, а когда возвращаются, не могут наговориться о том, как все было замечательно, прекрасно и хорошо, им нравится порядок, они даже учат немецкий и говорят, что получают все по талонам, даже мармелад, об этом они больше всего говорят, все, что они знали, — это полента, а мармелада они не ели, они такие самоуверенные, когда возвращаются, главным образом по причине болезни, но им нравятся порядок и дисциплина. У нас квартировал молодой лейтенант из Галле, он нам очень понравился, он всегда был здесь на праздниках, но сейчас съехал, и мы по нему скучаем. Никола любил с ним разговаривать, и я тоже, и даже бабушка поговорила с ним по-немецки. Он учил хорватский, а мы — немецкий, вы можете гордиться вашими солдатами, они всегда такие милые, вежливые, аккуратные, с такой строгой дисциплиной, а это так далеко от их родины. Здесь их осталось мало, приехали новые, старые уехали. Теперь у нас живет полковник, две бабушкины комнаты на нижнем этаже заняты, и она живет в маленькой. <...>

Анима, должно быть, хорошая и красивая девушка, она, наверно, столько всего изучает, мы с такой любовью ее вспоминаем, особенно дядя Никола, который говорит о том, как носил ее на плечах, теперь не уверен, что смог бы, она теперь больше и тяжелее, да сделает Господь так, чтобы война кончилась и мы бы все встретились. Вы такие же полные, как были?

<...> Мать говорит, чтобы я и для нее оставил место что-то написать, мы все были так рады получить ваше письмо, все его читали, и тот день был для нас святой. Мы часто вас вспоминаем, думаем, как вы, а мы такие же, как всегда, слава Господу, мы в порядке, Никола весь в делах, я всегда одна, никого из прежней толпы здесь больше нет, Динчеш в Загребе. Где-то год назад я написала вам длинное письмо, не знаю, получили ли вы его, вы о нем не говорили нигде. Мы все время спрашиваем, не едет ли кто в Берлин, чтобы мы могли передать печенья. В следующий раз пришлите нам ее фотографию, на ту, что в рамке, мы смотрим каждый день, и мой Никола, когда приходит какой-нибудь немец, говорит, что это маленькая немецкая девочка. Наша девочка тоже была в Германии. Она не может на нее нахвалиться, все, кто оттуда приезжают, говорят о порядке.

Все ли родственники Карла и его родители живы и здоровы? Будут ли у вас в этом году на Рождество гости? Мои дорогие Душанка, Анима и Карл, посылаем вам нашу любовь и поцелуи Аниме и Душанке от Ольги.

Моя дорогая Душанка, Карл и Анима.

Прошло много времени с тех пор, как вы нам писали, но восемь дней назад к нам приезжала Савета из Шевица и рассказала нам, что навещала вас, рассказала все подробности, вообразите наше удивление, я была поражена тем, что она дома с мая и до сих пор не заехала. Она говорит, что нашла своего мальчика в Загребе, он написал ей и прислал фотографию, ходит в школу, здоров, что у него учитель Рибар, и она вам бесконечно благодарна за доброту.

Дорогая Душанка, мы все тоже от всего сердца благодарим тебя за то, что спасла нас от страшной опасности и смерти, да уберезет тебя Бог ото всех зол, дай тебе Бог здоровья. У нас так и нет вестей от Ангелины, не знаю, в Беловаре ли они, папа давно туда не ездил, ездить сейчас трудно, есть ли у тебя вести от матери? Здесь все ужасно дорого: яйца по 50 динаров штука, килограмм говядины — 280.

У меня все по-прежнему, больше всего мне повезло со здоровьем, так что со мной все хорошо, я только хочу, чтобы вы приехали, пока я еще жива, чтобы мы могли обо всем поговорить. Передавайте мои наилучшие пожелания вашему мужу, поцелуйте за меня Аниму много раз, искренне ваша, с любовью, ваша тетя.

Третий секрет — переписка Шмиттов во время заключения Шмитта в Берлине и Нюрнберге. Ее публикация, конечно, породит новую дилемму, связанную с родством тюремной камеры и архива.

Дома все хорошо (9 октября 1945 года).

Дорогой Карл, сегодня две недели, как ты отлучен от дома: надеюсь, ты скоро вернешься. Уже восемь дней я ищу способ написать о нашей дочери Аниме и о дедушке²⁶. У меня нет новостей о моих югославских родственниках. Я слышала, что профессор Квинси Райт сейчас в Берлине, жаль, что ты не можешь с ним повидаться. Ты давно этого хотел. Я сейчас учу английский; беру уроки по вторникам и пятницам. После этого уроки дают Аниме и Марлезе; мы все очень прилежны в наших занятиях... Сегодня четверг, я оставляю для тебя передачу, в которой гренки, колбаса и немного маргарина. Две кисти винограда, десять яблок, двадцать орехов из сада... Обнимаю, до субботы (10 октября, 1945).

Дорогой Карл, сегодня я была в Далеме. Был волшебный осенний день. Я проходила мимо нашего разрушенного дома²⁷ и, переполненная любовью, преклонила колени перед пепелищем. Моей душе было так радостно, что я прошла через парк, налевая, и декламировала строчки из поэмы Божича, из стихотворения

26. Речь об Иоханне Шмитте, отце Карла.

27. 23 августа 1943 года на дом Шмитта упала бомба.

«Без плача», в особенности последнюю строфу²⁸. С Хайди мы пошли на выставку современного искусства; она была очень скромная. Внезапно у меня возникло жгучее желание увидеть в кабинете, как в прошлые годы, бесценные картины Жилия, Нольде и Нэя (24 октября, 1945).

Мой дорогой Карл, сегодня из Плеттенберга пришло письмо с печальной новостью о том, что наш дорогой отец умер 6 ноября в 1.30 утра (5 ноября, 1945).

Анима очень хорошо учится в школе. В нее приезжали пожилой господин из Олденбурга и английский офицер. Анима должна была рассказать историю по-английски. После этого этот господин стал спрашивать о тебе. Анима была счастлива. На Западе будут очень удивлены, когда узнают, что ты под арестом. Надеюсь, что тебя вскоре отпустят и мы проведем Рождество вместе.

Анима написала 13 декабря длинное и милое письмо. Она писала: мне очень больно от того, что наш папа арестован. Я много за него молюсь и всей душой надеюсь, что наш дорогой Господь все изменит и что все будет хорошо (28 ноября, 1945).

Православное Рождество тоже прошло; видела хороший сон — снилась сестра... Было так празднично, и сон доставил мне счастье. У меня было такое чувство, что сестра до сих пор жива, и я надеюсь, что вскоре получу новости из Югославии (11 января, 1946).

Недавно я случайно встретила местного чиновника, и он сказал, где теперь находится наша библиотека. <...> Он говорил о твоей библиотеке с профессором Левенштайном. Профессор Левенштайн заверил его, что нет никаких сомнений в том, что ты получишь свою библиотеку обратно (17 января, 1946).

У меня был урок русского с госпожой Фриденберг. Она — прилежная ученица и находит, что русский — красивый язык. Она передает свои самые теплые пожелания. В воскресенье у них дома концерт, и я пойду на него. Они ждут гостя из России, я нужна им в качестве переводчика (25 января, 1941) [так написано в письме, но дата, вероятно, 1946 год].

Русский полковник тоже был там со своей женой, он хорошо знает Югославию; он также знает генерала Авшича из югославской делегации в Берлине. Схожу к этому генералу, как только пойму, как к нему подступиться. Возможно, смогу что-нибудь выяснить об Иво Андриче (28 января, 1946).

Рано утром я пошла с Анни к Панкофф. Встретилась с сербским генералом. Он был очень приветлив и отослал меня к их законному представителю доктору Микашичу. У меня вышел с ним очень интересный разговор часа на полтора. Он лично знает его превосходительство Андрича и то, что Андрич сейчас

28. Шестая строфа стихотворения Милутина Божича «Без крика»: «И когда мы раскопаем пепел мечты, / Давние дни будут упомянуты в словах: / Мы услышим веселость огня, / Как человек из дома, возвращающийся с охоты / С песней, с которой уходил в горы».

в Белграде, зарабатывает на жизнь письмом и здоров. Он опубликовал новый сборник рассказов о Боснии, который я бы хотела прочесть. Я была очень рада возможности предать привет ему, а также моему кузену профессору Бубичу (1 марта, 1946).

Я часто думаю о прекрасной строчке Божича: «Прелестью ночных сновидений облегчи им тяжелый день» [*Mit der Lieblichkeit der nächtlichen Träume erleichte ihnen den schweren Tag*] (13 апреля, 1946).

Сегодня днем заходила госпожа Урлих и передала письмо от госпожи Самич от 26 января 1946 года. <...> Мой отец жив и здоров. Сестра провела осень с семьей с Капеле и тоже здорова. Клишковиц, Сика, Рада и Иванка все вместе в Лачараке. Малышка Елена растет здоровой. Сава по-прежнему меняет работы²⁹ (5 апреля, 1946).

Мы должны иметь терпение и придерживаться пословицы: *Tout ce qui arrive est adorable*³⁰ (8 сентября, 1946).

Завтра операция, и поэтому я еду на два-три дня в «Восточный санаторий» (27 сентября, 1946).

Сегодня большой праздник, в церкви благословили фрукты... поэтому, сокровище моё [*Schatz*], должна остановиться. Спокойной ночи. До скорой и радостной встречи, искренне твоя Душка (13 августа, 1946)³¹.

Перевод с английского Дмитрия Кралечкина

29. Сава Клишковиц, аспирант Шмитта из его берлинского периода и близкий друг во время и после войны.

30. Это цитата из Леона Блуа, которую часто повторяют Шмитты, любимый лозунг их дома: «*Все, что случается, благословенно*».

31. RW 265- (13755-13825).